

Е. В. Косинцева

Образ лебедя в хантыйской литературе

Аннотация. Лебедь – достаточной неоднозначный и сложный символ, который встречается и в хантыйском фольклоре, и в хантыйской литературе. Только в фольклорных текстах мы видим метаморфизм образа (дева-лебедь), наблюдаем, как фиксируются цветовые и числовые коды этноса. Лебедь открывает границы в иной мир и сам способен осуществлять эти переходы, поскольку соединяет две стихии – воды и воздуха. В легендах же встречается и фитоморфизм персонажа, который способен совершать и зооморфные переходы.

Лебедь – одна из ипостасей богини хантыйского пантеона Калташ, отсюда и священность птицы, отмеченная авторами. У отдельных локальных групп ханты даже есть особый праздник, посвященный этой птице. Священность птицы объясняет и восприятие ее как оберега в поэзии (лебединые крылья).

В художественной словесности ханты образ обретает устоявшуюся семантику символа любви, счастья и благополучия. Все эти значения с успехом реализуются как в поэтических произведениях М. К. Вагатовой, Р. П. Ругина, П. Е. Салтыкова, А. А. Молданова, так и в прозаических текстах Е. Д. Айпина, Р. П. Ругина, Т. А. Молдановой.

И в фольклорных и в литературных текстах устойчивым остается мотив «лебединой песни». Сравнивая крики лебедей с музыкой, Е. Д. Айпин уподобляет их игре серебряных труб.

Хантыйские прозаики, обратившись к образу лебедя, сроднили птицу и девушку, опираясь на мифологический образ девы-лебедя, Е. Д. Айпин использовал прямой анимализм в адрес героини – «лебедушка».

Образ лебедя – один из составляющих орнитологического кода хантыйской литературы.

Ключевые слова: образ, лебедь, метаморфозы, архетип, хантыйская литература, мифологизм.

E. V. Kosintseva

The image of the swan in the Khanty literature

Abstract. The swan is rather ambiguous and complex symbol, which can be found in the Khanty folklore, and in the Khanty literature. Only in folklore texts we see the metamorphism of the image (the maiden-swan; we see how color and numeric codes of the ethnos are fixed. The swan opens borders into another world and it is able to carry out these transitions, because it combines two elements – water and air. In the legends we can also found the phytomorphism of a character who is able to make zoomorphic transitions.

The swan is one of the incarnations of the Khanty Pantheon's Goddess Kaltashh, that's why this bird is sacred, as the authors note. Certain local groups of the Khanty even have a special holiday devoted to this bird. The sacredness of the bird explains its perception as a talisman in poetry (swan's wings).

In the artistic literature of the Khanty this image obtains the established semantics of the symbol of love, happiness and prosperity. All of these values are successfully implemented in the poetic works of M. K. Vagatova, R. P. Rugin, P. E. Saltykov, A. A. Moldanov as well as in prose texts of E. D. Aipin, R. P. Rugin, T. A. Moldanova.

The motif of "the swan's song" remains sustainable in folklore and literary texts. Comparing the cries of swans with music, E. D. Aipin likens them with play of silver trumpets.

Khanty writers referred to the image of the swan and pulled together the bird and the maiden, based on the mythological image of the maiden-swan. E. D. Aipin used straight animalism to address of the character.

The image of the swan is one of the components of the ornithological code of the Khanty literature.

Key words: image, swan, metamorphosis, archetype, the Khanty literature, mythologism.

Лебедь – один из самых распространенных образов в фольклоре и литературе. У каждого народа свое истолкование этого образа, но культурные параллели позволяют выделить общие черты, которые превращают образ в символ. В истории хантыйской литературы к образу лебеда обратились Р. П. Ругин, М. К. Вагатова, Е. Д. Айпин, Т. А. Молданова. Семантика этого образа в творчестве писателей-северян восходит к древним верованиям народа и общекультурной символике.

«Лебедь (праслав. *olbōdy*; связано с лат. *albus*, греч. *alphos* – «белое пятно») – изящная птица с белым оперением и длинной, гибкой шеей в античности считалась символом единства двух стихий – воздуха и воды, а также благородства и чистоты» [1]. Античность характеризовалась мифологическим типом сознания. В фольклоре и в литературах обских угров та же связь с мифом еще сильна и образы имеют устойчивый характер.

Встречается образ лебеда в фольклоре ханты. Так, Р. П. Ругин в книге «Легенды и мифы народа ханты» представил читателям два сюжета с этими птицами. Зоогоническая легенда «Почему лебеди белые», как определил жанр этого произведения Е. С. Роговер, ближе к мифу о происхождении птиц. Волшебный Вой Турам наделяет птиц цветами в оперении. Только лебеди долго думают над окраской оперения и скромно пропускают собратьев вперед. В тексте Ругина зафиксирован факт: до дара Духа Лесных Зверей и Птиц эти птицы имели «невзрачный бурый цвет». Даром является белоснежное оперение. Свой выбор цвета птицы поясняют Вой Тураму: «– Мы хотим стать белыми. Совсем-совсем белыми! <...> Потому что мы любим друг друга, не можем один без другого жить. И хотим, чтобы наша любовь была чистой-чистой! Как только что выпавший снег...

– Хм... Ну коль и вправду не можете жить друг без друга, то и перекликайтесь меж собой всегда так: «Хо-танг? Хо-танг?», то есть «Где ты? Где ты?» – чтобы, значит, никогда не терять друг друга...

Махнул Вой Турам своей волшебной рукой, и лебеди тут же превратились в белоснежных красавцев.

С тех пор и кричат всегда «хо-танг, хо-танг», и любят друг друга до самой смерти, и жить друг без друга не могут...» [2, 54–55].

Фиксация цветового кода через сочетание «бурый – белый» свидетельствует о противопоставленности мира, стихий мироздания (вода, воздух), пространственной организации (небо-земля) указывает, что лебедь – птица, которая способна перемещаться, проходить пограничные состояния, соединяя светлое и темное, земное и внеземное, реалистическое и мифическое, мистическое. Еще Шнайдер отмечал, что лебедь один из символов мистического пути в потусторонний мир.

В сказках и легендах многих народов мира встречается сюжет о превращении девушек в лебедя и способности снова принимать прежний вид. Этот же сюжет нашел отражение и в топонимической легенде «Остров Шиян», которую включил Р. П. Ругин в книгу. Ими Хилы, один из главных персонажей легенды, приехавший на остров за кедром для новой колданки, встретил девушку необычайной красоты: «Щеки пылали уней подобно пламени жаркого костра, глаза были чернее поспевшей черной смородины, тонкие губы исходили свежестью утренней румяной зари, на уши были навешаны вместо сережек поспевшие морошки. Все лицо излучало такую красоту, что от долгого взгляда могли ослепнуть глаза. И выглядела она стройней небесной радуги» [2, 62]. Забыв о цели своей поездки, герой предложил красавице стать его женой. Интересно, что способность мгновенно влюблять так, что очарованный забывает обо всем, замкнутость пространства пребывания «красавицы Земли и Неба» – остров, и проч. роднит этот персонаж с другим хорошо известным по древним преданиям и легендам персонажем – русалкой. Мотив сватовства героя к необычной девушке традиционен для фольклора. «Сюжет брака человека с лебедем или превращения в лебедя распространен у многих народов, он нашел отражение и в ряде фольклорных образов (ца-

ревна-лебедь, герой, превращающийся в лебедя). В сказках, легендах и преданиях лебедь – это олицетворение мудрости и необычайной волшебной силы» [3].

Юная красавица – это воскресшая из мертвых убитая лебедица (именно слово лебедица, а не лебедь используют писатели, когда проводят параллели между птицей и женщиной). «Но я каждую осень превращаюсь в лебедицу и улетаю на зиму в теплые края. Через три дня и три ночи за мной прилетит лебедь-отец, сядет на озеро, кликнет три раза, и я вмиг обрасту крыльями и превращусь в птицу» [2, 62]. Семантика числового кода, выраженного в трехкратном употреблении числа три (три дня, три ночи, три раза кликнет), свидетельствует о сакральном мире, в котором пребывает герой. На это указывает и сращенность героини со священным деревом обских угров – березой. Став частью священного дерева она не умерла, а перешла в новое пограничное состояние (согласно исследованиям этнографов, в представлении обских угров закрепилось восприятие березовой коры как переходного состояния в иной мир, это же находит подтверждение и в обрядовых практиках народа, например, в погребальном обряде), получив возможность породить деву-лебедя. Таким образом, лебедица стала находиться в промежуточном измерении, между жизнью и смертью. Это подтверждает и рассказ девушки о том, что стало причиной ее метаморфозы: «Я убитая лебедица. На этот остров ежегодно весной прилетали лебедь и лебедица. Они вили здесь гнездо, откладывали яйца и выводили потомство. Несмолкаемым радостным криком наполнялся летом остров от маленьких лебедят.

Это не понравилось злой ведьме острова Порнэ Ими, которой веселый крик лебедей мешал спать. Она решила лебедей лишить потомства и убить лебедицу. Выстрелила Порнэ Ими однажды весной своей черной стрелой в лебедицу, и вода озера окрасилась кровью птицы. Долго не хотел улетать лебедь-самец <...>. Для того, чтобы наводить страх на лебеда-самца, Порнэ Ими повесила на толстый сук березы труп лебедицы. Со временем убитая лебедица

срослась с деревом, став огромным наростом – шином, похожим на фигуру лебедицы. И эта одревеневшая лебедица каждый год рождает меня в виде девушки» [2, 62]. Здесь же видим и противостояние добра и зла, воплощенное в виде злой ведьмы Порнэ ими и доброй феи острова Мошнэ. И если первая несет смерть и связана с миром тьмы, зла, нижним миром, то вторая, наоборот, во сне нашептала способ избавления от переходности и закрепления в антропоморфном виде в среднем мире: «Надо срубить нарост на березе – отвердевшую фигуру моей умерщвленной матери. И из этого нароста надо смастерить фигуру лебедицы, чтобы была как живая. Тогда прилетит лебедь-самец, подсядет к ней, кликнет три раза, и, не услышав ответного крика, щипнет плавающую фигуру за клюв, и та превратится в мать-лебедицу. И счастливая пара, три раза прокружив над островом, улетит в теплые края. А я тогда навечно останусь человеком и смогу выйти за тебя замуж» [2, 63]. Отметим, что цифровой код в легенде дополняется эмоциональным состоянием персонажа, который «три дня и три ночи, не смыкая глаз, мастерил фигуру лебедицы. Все мастерство приложил к этой работе Ими Хилы, всю теплоту и доброту своего пылкого влюбленного сердца» [2, 63]. Герою нужно преодолеть испытание, чтобы быть с возлюбленной, достичь своей цели. Этот мотив преодоления испытаний один из ведущих в жанре сказки гармонично вплетается в сюжет хантыйской легенды. Мир проецирует человеческие желания и ощущения героя. На закате четвертого дня герой, проснувшись, увидел издававшую прощальные крики пару лебедей, которая покружилась над островом и улетела на юг. Поняв, что он в финале испытания, Ими Хилы побежал к месту встречи с возлюбленной. «Пробегая возле берега озера, он увидел плавающую, вырезанную им фигуру лебедицы.

– Так ты не превратилась в живую лебедицу? – сказал огорченный Ими Хилы. <...> Значит, обманула меня девушка?

Разозленный Ими Хилы вытащил из-за плеча свой тугой лиственничный лук, по-

ложил на тетиву острую стрелу, прицелился и выстрелил.

Стрела угодила прямо в голову, и в тот же миг раздался душераздирающий крик:

– Что ты наделал, Ими Хилы?! Это же я была, Айнэ! Я же хотела в последний раз поплавать по озеру, в последний раз полюбоваться своим чудным отражением. А затем хотела вылезти на берег и расстаться с одеждой птицы, навеки стать твоей верной женой. А сейчас... – И она, уже истекая кровью, еле выговорила: – Повесь меня на ту березу, под которой стоишь, как мать мою...

Повесил Ими Хилы ее на берегу на эту березу.

И на ней с тех пор и вырос опять такой большой шиян-нарост» [2, 64]. Желание девы-лебедя полюбоваться своим чудным видом в последний раз перед окончательной метаморфозой вылилось в трагедию. Кольцо перехода из одного мира в другой замкнулось: мать-лебедица ушла в средний мир и обрела привычный облик и стихию, Айнэ осталась в мире сакральном, пройдя тот же путь трансформации, от жизни к смерти, став наростом на березе. Фитоморфный переход совершили оба героя хантыйской легенды: Айнэ стала частью березы, Ими Хилы превратился в кедр, в сердцевине которого мучается и страдает его сердце. Оба дерева являются особо почитаемыми в культуре ханты и манси.

Эта хантыйская легенда, повествующая о метаморфозе лебедя в девицу и девицы в лебедя – единственное прямое свидетельство полного метаморфизма, не считая ритуальных шаманских практик этноса, зафиксированное хантыйским писателем, но в фольклорном жанре. Сюжетов, повествующих о метаморфозах, в хантыйской литературе нет ни у одного писателя. Следовательно, метаморфизм сохраняется только на фольклорно-ритуальном уровне и не получает развитие в художественной словесности хантыйских писателей.

Вместе с тем образ лебедя становится символом с общехудожественной устоявшейся семантикой в поэзии и прозе ханты. Писатели не исключают и сакральных, ми-

фологических корней этого образа в своих произведениях.

Исследуя феномен женских божеств в духовной культуре среднеобских хантов, Л. В. Кашлатова подтвердила, что «Земные» птицы (то есть реальные, пребывающие по факту в среднем мире – лебедь, гусь, кукушка и пр.) являются воплощениями Калтась. Разделение птиц на небесных и земных соответствует птичьим ипостасям среднеобских богинь» [4]. Т. А. Молданова в лекциях по истории религии обских угров сделала вывод: «Птицы в большинстве случаев, выступают как сакрально чистые существа, это связано со сферой их обитания (небо, верх). Из них наиболее «чистой» считалась лебедь (прежде всего, благодаря её цвету), во многих группах обских угров она – ипостась богини Калташ, хотя облик лебедя могли иметь и другие божества» [5, 34]. Следовательно, лебедь – это одна из ипостасей богини хантыйского пантеона, отсюда и священность птицы. Эта птица по значимости в хантыйской культуре сопоставима с аистом в славянской традиции, который приносил детей в семью, хранил семейный очаг. Эту семантику птицы использовала Т. А. Молданова и в повести «Средний мир Анны из Маланга»: «Подожли они к озеру, что среди хрупких сосенок да громадных кочек спряталось.

Остановился Юван, остановилась Анна. Остановились оба, пораженные величественным зрелищем. Огромная луна поднималась над водной гладью, вечное светило мироздания залило озеро эфирным светом, проложило на его поверхности серебряную тропинку. И в этом эфирном, серебряном мире совсем близко от них красовалась белая лебедь.

«Калтась ангки яманг хур, – матери неродившихся детей священный образ», – вспыхнуло в сознании Ювана.

«Калтась ангки яманг хур» – эхом повторило сердце женщины. «Нас ожидает отцовское счастье! Нас ожидает материнское счастье!» – в такт друг другу пульсировали их сердца. Молодые, сильные, очарованные чудным мгновением жизни, долго-долго стояли они, впитывая в себя эти

краски, эти ощущения, эти чувства и посылая божественному Небу-отцу, священной Земле-матери безмерную благодарность за свое счастье и желая такого же счастья всем-всем людям Земли.

Юван и Анна ожидали первенца» [6, 327–328].

В честь этой птицы отдельные локальные группы ханты проводят праздник – Проводы Лебеда, которому предшествует особый ритуал. «Вот что рассказал И. С. Посохов <...> о ритуале такого праздника <...>, свидетелем которого он был однажды осенью. Накануне жители юрт договорились о времени выезда на праздник. В день праздника подъехали к священному месту, и мужчины-охотники оповестили о своём приезде тремя залпами из охотничьих ружей. Попечитель святого места, услышав стрельбу, вышел на берег встречать нарядно одетых гостей. Приехавшие, причалив лодки к мостику, шли вереницей в деревню по тропе, выстланной ветками и сеном.

Затем женщины поджигали сложенные дрова, на доску у костра ставили угощения. Спиртным окропляли огонь, бросали по монетке в костёр и после этого выстраивались в ряд и, посылая поклоны, нашептывали: «Ты наша священная птица, мы в гости к тебе пришли и от чистого сердца все, что нужно, с собой принесли... Скоро настанет разлука, покинешь край свой родной... Мы ждем твоего возвращения весной. На своих могучих крыльях несись над горами, тайгой! Ясного неба желаем тебе над нашей прекрасной землёй».

Потом женщины поворачивались через правое плечо, заканчивая ритуал, и начинали трапезу. В стороне на колышке были подвешены узелки с подарками. Это было общее место для совершения обряда. Стар и мал толпой, стояли тут и просили лебеда принять их подарки.

Основной обряд проводился на священном месте, куда разрешено было ходить только мужчинам. Здесь совершалось жертвоприношение. <...> Мужчины привели жертвенное животное, привязали его под кряжистый краснотал, а на другом де-

реве уже был сделан примитивный стол, под ним пропущены жерди между ветками дерева. Попечитель святого места расставил угощение, развязал узелки с подарками, каждую вещь, обволакивая дымом тлеющей чаги, развешивал на жерди. Присутствующие бросали на стол по монетке, вставали напротив стола, кланялись. Затем попечитель вывел животное и начинал водить его по ходу солнца.

– Ац! – раздавался призывный клич после каждого оборота – и семь раз эхо разносило этот клич...

В заключение праздника один из организаторов нанёс на четырёхгранной палочке количество людей от каждой семьи, чтобы потом разделить поровну расходы, связанные с обрядовым ритуалом, потом достал из котла кусок шеи, сердца и глаз принесённого в жертву животного, наколол их на отростки шеста, приставил его к столу, приделанному к дереву. На этом праздник закончился» [7].

Лебедь – название музыкального инструмента у остяков и вогулов. В музее под открытым небом «Суйватпавыл», что близ Югорска, есть древний сохранившийся музыкальный инструмент, отличающийся от привычного музыкального лебеда. Он состоит из двух частей, играть на которых можно одновременно. Они расположены одна над одной и зеркально, что еще раз подтверждает идею зеркальности и двойственности, состояния перехода, к которым причастна священная птица.

В хантыйской поэзии не так много лирических произведений, в которых мы видим образ лебеда. Так, у М. К. Вагатовой есть стихотворение «Вы белый лебедь взгляду моему», вошедшее в книгу «Моя песня, моя песня». В контексте лирического произведения «белый лебедь» – метафорическое воплощение образа возлюбленной, которая вольна в выборе: отвечать или оставить без ответа чувства влюбленного: «Вы белый лебедь взгляду моему, / Как лебедя не смею вас неволить» [8, 81]. В стихотворении «Святая женщина-огонь» М. К. Вагатова сравнивает руки с крыльями лебеда:

<...> красивыми руками я, словно леб-
бязжими крылами,

красивыми руками я, как плавниками
обских рыб,

творю ветвящийся узор, вернее, мно-
жество узоров,

святая женщина-огонь, я украшаю все
вокруг» [8, 25].

Р. П. Ругин, обратился к образу лебедя
в стихотворении «Мой народ». В нем лебе-
диные крылья выступают оберегом этноса:
«Шел ты, / Ветру подставляя грудь – / Под
покровом крыльев лебединых» [9, 4].
В стихотворении «Лебеди в небе предут-
реннем тают...», лирический герой Ругина
сравнивает птиц с комьями снега, пытается
выяснить причину их безутешных рыданий,
которые тревожат его душу, не оставляют
равнодушным к тревоге и горю царствен-
ных птиц:

Может быть, жаль, родового гнездовья,
Счастья на северной этой земле,

Воздуха, речек с целебной водою,

Ветров, что силу растили в крыле [9, 74].

Связывая силу птиц с родной землей,
которая взрастила их, лирический герой Ру-
гина высказывает опасение «Будут ли сча-
стливы в месте ином лебеди?...» [9, 75]. Ле-
бедь в стихотворении – это украшение ро-
димых просторов. Так лирический герой
вновь указывает на связь птицы с разными
стихиями, оперирует цветовым кодом, упо-
добляя окрас лебедя комьям снега, указывая
на белизну крыльев, которые выделяются «в
синих ковшах бесконечных озер».

Лебедь – это и птица, которая вливает в
уста поэта песню. Ассоциативная парал-
лель лебедь – поэт традиционная для рус-
ской литературы. «Образ лебедя выступает
как символ поэта, певца и высоты поэзии
(«Лебедь» Р. Державина, «Царскосельский
лебедь» В. А. Жуковского). Эта символика
в своей основе связана и с представлением
о способности души странствовать по небу
в образе лебедя, выступающего как символ
возрождения, чистоты, целомудрия, гордо-
го одиночества, мудрости, пророческих
способностей, поэзии и мужества, совер-
шенства, но и смерти» [1]. Такую же парал-

лель провел в своем стихотворении и хан-
тыйский поэт:

В жизнь мою сколько вы песен вливали!

Каждая – трепетным эхом звучит.

В самой далекой обманчивой дали,

В самой глубокой бессонной ночи... [9,
75].

Отсюда и ощущение родства лириче-
ского героя с птицами, отсюда и исчисле-
ние своей жизни песнями лебедей, отсюда
и заявление, резюмирующее размышления:

Вот почему – долетев из тумана –

Крик безутешный моих лебедей,

Словно жестокой петлею аркана,

Грудь мне сжимает сильнее и силь-
ней... [9, 75].

Есть у Ругина «Лебединая быль», пере-
веденная на русский язык А. Юдахиним.
Начинается произведение яркой картиной
прилета лебедей весной на озеро, которая
завораживает лирического героя, и резко
изменяется разыгравшееся трагедией:

Белые лебеди. Белая пара влюбленная

В озеро синее с неба спустилась весной.

Меж берегов, где трава серебристо-
зеленая,

Песня взвилась лебединая феей лесной.

Песня взвилась – полутемная ночь стала
белою,

Из-за угора откликнулся вмиг соловей.

Песня лилась над лесами под облачной
пеною

И постепенно в душе растворялась моей.

Так бы они и летали, гонимы морозами,

И возвращались на милую родину вновь,

Так бы они и скользили по синему озеру,

Если бы выстрел ночной не разбил их
любовь [9, 76].

В этом произведении хантыйского по-
эта белые лебеди – это устоявшийся символ
любви и семейного счастья. В первом стихе
поэт дважды употребляет эпитет «белые»,
подчеркивая мирную картину бытия, оли-
цетворяемую божественной птицей. «По
традиционным представлениям хантов, как
и некоторых других народов, белый цвет
символизирует благополучие, здоровье и
изобилие. Не случайно к числу священных
относились имеющие чисто белый цвет
горностай, лебедь, береза и др.» [10]. Лебе-

ди правят светом и тьмой и это свидетельство древних воззрений на мироустройство: «Песня взвилась – полутемная ночь стала белою» [9, 76]. Жак Жан Мари де Морган в работе «Доисторическое человечество: общий очерк доисторического периода» показал, что днем в колесницу бога солнца впряжена лошадь, а ночью его лодку влечет за собой по водам лебедь.

Лебеди – вестники весны. Сказочность птиц, которые властвуют в двух стихиях (воздух и вода), усиливается сравнением их пения с лесной феей. Фантастично и само сообщение о пении птиц, которое осмысливается как пророческое. Красоту пения лебедя древние греки объясняли тем, что в эту птицу обратился Орфей. Во времена античности было распространено поверье, что лебедь поет только перед смертью. Словосочетание «лебединая песнь» стало устойчивым выражением. В словаре крылатых слов и выражений читаем: «Впервые встречается в одной из басен легендарного баснописца Древней Греции Эзопа (VI век до н. э.): «Говорят, что лебеди поют перед смертью». Поэт имел в виду легенду, согласно которой лебеди, эти не певчие, «молчащие» птицы, за несколько мгновений до смерти обретают голос, и это предсмертное пение лебедей удивительно красиво. Выражение использовал также известный древнегреческий драматург Эсхил (ок. 525–456 до н. э.) в своей трагедии «Агамемнон», героиня которой Клитемнестра сравнивает предсмертные слова Кассандры с криком лебедя-кликуна: «Та, которая, подобно лебедю, пропела свою последнюю жалобную, смертную песню». В Древнем Риме этот образ был также очень популярен: известный оратор Цицерон в своем сочинении «Об ораторе» так пишет о речи, которую произнес Лициний Кресе за мгновение до своей смерти: «Это было подобно лебединой песне». После Цицерона это словосочетание в общепринятом понимании – «лебединая песня» – стало устойчивым. Преданием о последней «песне» лебедя заинтересовался и известный немецкий ученый-натуралист Альфред Эдмунд Брем (1829–1884). В своем б-

томном труде «Жизнь животных» он приводит свидетельства других натуралистов о лебедях-кликунах: «Голос его напоминает приятный звон серебряного колокола... Все, что говорится о песне умирающего лебедя, вовсе не выдумки, так как последние вздохи смертельно раненного лебедя вырываются у него в виде песни». И Брем резюмирует: «По всем этим данным сказание о лебединой песне оказывается очень правдоподобным. Оно, очевидно, основано на действительности, но поэзия и сказки облекли ее в иную форму» [11].

Смерть лебедя в поэтическом произведении Р. П. Ругина отзывается возмущением небес, выливаясь в атмосферные явления. Боясь кары небес, совершивший проступок старается укрыться, спрятаться за стенами дома:

...Лебедь лежала в воде неподвижной
пушинкою.

Друг ее верный над ней суматошно
кружил.

Молния в небе плеснула озерною
синькою,

И браконьер, испугавшись, домой
запешил [9, 76–77].

Временная организация поэтической были такова, что трагедия, произошедшая весной, разбившая пару лебедей, повторяется осенью. Слепленный радостью встречи с любимой и потерянной половинкой пары, лебедь, забыв об осторожности и опасности, не оставил лебедицу. Разбитая весной пара осенью была погублена рукой браконьера окончательно:

Время прошло. Гуси-лебеди в страны
далекие

Откочевали. Отчаянный лебедь один
Не улетал и кружил. ... Браконьер тот
жестокий

Чучело птицы убитой спускает с ладьи...
Лебедь, слепой от любви, закружился
стремительно, –

Видно, любимую по оперенью узнал.
Белые крылья свистели в лесу удивительно.

Но он напрасно в дорогу любимую звал!
Ведал охотник, что эта приманка надежная,

Глаз его точен, и порох его не дымит!

Так и случилось: молчаньем подруги встревоженный

Лебедь спустился и был беспощадно убит [9, 77].

Люди, узнав о случившемся, осудили охотника, который никогда не унывал, не испытывал мук совести за свои действия. Еще месяц длилось безоблачное семейное счастье браконьера, убившего пару лебедей. Его действия бумерангом ударили по нему самому: убив семейную пару лебедей, он разрушил и свою семью: «Месяц спустя он забрал лебединые чучела / и укатил... потому что был выгнан женой» [9, 78]. Завершая быль, Ругин показал, как был наказан тот, кто убил священную птицу. Наказание за убийство священной птицы есть в культурах многих народов. «Кара за убитого лебедя у русских падает не только на виновного, но и на весь его род. Даже если показать убитого лебедя детям, они все умрут. <...> Этнограф С. А. Токарев писал по этому поводу: «...божьиими птицами считались голубь, аист, журавль, соловей. Самой священной птицей считался в народе лебедь. Есть поверье, что эта птица была прежде женщиной. Стрелять лебедя грех, говорили на Севере, это поведет к беде. М. Пришвин рассказывает о своих разговорах с выговскими полесниками, свято соблюдавшими этот запрет. «Да вот покойник Иван Кузьмич, – говорили они ему, поясняя причину запрета, – убил весной лебедя, а к осени и помер, через год жена померла, дети, дядя, весь род повымер» [12].

Перекликается с поэтической былью Р. П. Ругина стихотворение А. А. Молданова «Летели лебеди над лесом...». Поэт создает образ прекрасных птиц, которые ищут покоя на земле, не опасаются людей:

Летели лебеди над лесом,
Кружили плавно над землей.
Они искали себе место,
Где навсегда найдут покой.
Они летели, не боялись
Людей, что видели внизу.
Полетом, жизнью наслаждались, <...>
Летели низко над землей,
Не опасаясь ничего [13, 59].

Раздавшийся выстрел изменил мирную и радостную картину возвращения лебедей в родные края. Поэт использует цветовые контрасты, чтобы подчеркнуть трагедию: кровавый цвет на белоснежном оперении, серый мир. Олицетворяя лебедей, А. А. Молданов вводит деталь – слезы в глазах раненой лебедицы: «На перьях белых у нее / Кровь просочилась на груди. / И для неё мир серым стал, / И слезы с глаз ее текли» [13, 59]. Случившаяся трагедия и трогательные минуты прощания погружают окружающий мир в тишину и только небо высказывает свое негодование и возмущение поступком бездушного человека в виде грома:

Тут лебедь стал вокруг кружиться.
Кричать и звать ее к себе.
Смотрю, вдруг стал он к ней садиться,
И стало тихо на земле.
Минуты три он с ней прощался,
Потом поднялся над землей.
И гром раздался,
Нарушив весь земной покой [13, 59].

В стихотворении «Лебеди» другой хантыйский поэт П. Е. Салтыков емко подтвердил значение птицы в традиционной культуре, усилив эмоциональную палитру крика дивных небесных созданий, в которой контрастно сочетаются тоска, боль и радость:

Снежным своим опереньем блистая,
К северу тянется дикая стая.
Слышу я в мягком тоскующем крике
Боли и радости голос великий.
Видно, милей им сторонка родная
Рая чужого, веселого рая... [14, 270].

Образ лебедя присутствует и в хантыйской прозе. В повести Р. П. Ругина «Сорок северных ветров» лебеди становятся символом любви героев. Вновь писатель организует встречу птиц и героев на острове Шиян, который фигурирует в легендах, замыкая пространство встречи человека со священной птицей. События повести начинаются и заканчиваются на этом острове, как будто течение жизни почти не выходит за пределы острова. Здесь много лет назад отец Арсина срубил избушку, здесь впервые состоялся их разговор с Таясь, здесь зародилась и угасла жизнь их ребенка, здесь он спас огромное

стадо стельных важенок. Шиян невольно стал свидетелем великой любви. Сюда прилетают лебеди – символ преданности, верности, любви и благополучия. «Арсин еще долго бы, наверно, пролежал с зажмуренными глазами на кусте багульника. Если бы не близкий крик лебедей. Он расслышал даже взмахи их крыльев, открыл глаза и увидел птиц, пролетевших над самым кедром; теперь они плавно снижались на озеро, слегка подтопленное талыми водами; здесь, на этом озере, лебеди каждый год вили свое гнездо...» [15, 398]. Остров притягивает птиц, здесь их дом и они возвращаются на обжитое место из года в год: «На старое место вернулись. <...> Хорошо, хорошо, семь мудрецов старины. Шибко хорошо, когда и человек, и бегающий зверь, и крылатый клочок родной земли имеет...» [15, 398]. Также и Арсин с Таясь, подобно паре лебедей, пытались свить свое гнездо, но судьба и человек вмешались. Однако остров вновь соединил любящие сердца. Духовная чистота, открытость Арсина, жизненная мудрость даю ему возможность тонко чувствовать окружающий мир, интуитивно ощутить изменения в стае священных птиц: «<...> Покричите-ка еще, милые! Что-то голоса вроде не такие, как у прошлогодних ... Плач какой-то, что ли слышится. <...> – Кей! – огорченно вскрикнул он. – Да вас трое теперь!.. Так ведь не бывает, четвертый должен быть... То-то мне голоса незнакомыми показались – новички прилетели. Кей, кей! А от прошлогодней пары выходит, только самец остался. Где же твоя подруга, верный лебедь? В каких краях потерял? Человек ли виноват, хищный ли зверь? Болезнь ее где-то свалила или другой у тебя отобрал? – И он, прикусив губу, не договорил, а только сделал очередную затяжку из своей трубки. – Эх жизнь... Сколько всяких радостей и несчастий обрушивает она на нас. И не знаешь. Когда угомонится...

Разговаривая с лебедями, Арсин невольно вспомнил и свою дальнейшую, уже после фронта, жизнь. <...> А причиной этих его воспоминаний был одинокий лебедь, оставшийся без верной своей подруги» [15, 398]. Арсин понимает плач одино-

кого лебедя, когда-то и он нашел приют на острове, пытался успокоить боль в сердце от потери возлюбленной. Вернувшись с фронта, Арсин узнает, что Таясь выдана замуж, кроме того, носит под сердцем его ребенка. Не в силах справиться с душевной болью, Арсин «<...> отправляется на весновку на остров Шиян» [15, 409]. Остров соединил влюбленных, но им пришлось заплатить за это слишком высокую цену: ребенок родился мертвым и больше детей у пары не было. Крик лебедей погружает героя в мир воспоминаний и возвращает оттуда: «Снова раздавшийся на острове крик лебедей заставил Арсина очнуться. Обычно лебеди кричат так перед полетом... Он оторвал голову от придавленных им кустов багульника и, встав, посмотрел на озеро. Так и есть: лебеди, уже расправив, словно паруса, свои белоснежные крылья, начали, шлепая ими по гладкой воде, медленно разгоняться; вот они поднялись над тальниками и потянулись в сторону протоки Рынги, на юг. Но что это? Прилетело-то трое, а улетает пара... А вот и одинокий лебедь-самец; словно в нерешительности вздымал он над водой крылья, но не взлетал, будто ждал чего-то... Наконец тоже огласил окрестности громким криком, тоже, будто нехотя работая крыльями, поднялся вдогон за улетевшими птицами.

«Понимаю, понимаю тебя, – сказал про себя Арсин. – Скучно одному». И сочувственно вздохнул» [15, 409–410]. Та же семантика птицы используется хантыйским прозаиком и в другой повести «Гул далекой буровой». Курыкур и Айнэ слушают неумолкающую переключку лебедей на озере всю ночь перед расставанием. Она напоминает им предстоящее общение на время армейской службы Курыкура, невольно герои себя соотносят с птицами. Тем более что устами героя Ругин вновь пересказывает в повести сюжет зоогонической легенды «Почему лебеди белые»: «– Как интересно они кричат, – сказала Айнэ. – Хо-танг, хотанг. А ведь по-нашему их так и говорят...

– А знаешь, почему они так кричат. Хотанг, хо-танг!

– Нет... А ты что ли знаешь?

– Конечно знаю, Айнэ.

– Ну, тогда рассказывай, Курыкур, рассказывай. – Она прижалась к нему еще теснее. <...>

– Да-а... Интересная сказка! – протянула Айнэ.

– Это не сказка, это наша легенда. Мне ее когда-то мать рассказывала...

Айнэ снова прильнула к нему.

– А мы, Курыкур, мы с тобой тоже будем любить друг друга, как эти лебеди, да?

– Конечно, Айнэ. Я, пока ты жива, больше никого не люблю!

– И я тоже, Карыкур. – И она податливо подставила губы его жаркому поцелую.

Так и сидели они под раскидистой елью, слушая голоса влюбленных птиц, влюбленные сами» [15, 255–257]. И если в этой повести хантыйского прозаика с парой лебедей трагедии не произошло, то она произошла с героями. Айнэ вскружил голову другой молодой человек и она, не сдержав обещания, данного Курыкуру, вышла замуж. А герой и спустя три года после возвращения с армейской службы не может забыть свою первую любовь.

К той же семантике образа-символа обратился и другой хантыйский прозаик Е. Д. Айпин в рассказе «Лебединая песня». В повествовании автор проводит параллель между людьми и птицами, устами деда Архипа озвучена прямая аналогия девушки и лебедя. В названии рассказа метафорически переосмысливается сочетание «лебединая песня». История с птицами поставила точку в отношениях молодой пары. Начинается рассказ с лебединого крика. Первое заочное знакомство Марины с птицами через их пение и лицемерие царственных птиц воочию на озере, приведшее к трагедии, происходит утром. «Утром она проснулась от лебединого крика. Они трубили на болотном озере. И хотя до озера было недалеко, ей казалось, что лебеди где-то рядом, за прокопченными стенами избушки – так отчетливо доносились их крики. Они играли словно на серебряных трубах, они звали: хотелось выйти и взглянуть на них. <...> Ничто не задерживало звуки, ничто не искажало их. Сколько в них грусти! Если

внимательно прислушаться, уловишь все: и тяжесть неведомого, далекого пути, и тоску по родному озеру, и надежду на возвращение, надежду на жизнь» [16, 50]. Айпин сравнивает крики лебедей с игрой на серебряных трубах, в минорной музыке которых раскрывается «тяжесть», «тоска» и «надежда» жизни. Причем последнее понятие повторяется автором дважды, усиливая позитивность образа и звука.

Айпин, обратившись к образу лебедя, сроднил птицу и девушку, опираясь на мифологический образ девы-лебедя. Поэтому столь обостренно жительница города, ни разу не видевшая этих птиц, воспринимает их песню, ощущая единение с ними: «Девушка лежала в тепле спального мешка и слушала лебедей. Слушала так долго и внимательно, что стала понимать эту минорную музыку осени: до нее ясно доходило то, что играли лебеди и мысль, что ей доступен язык этих гордых птиц, радовала ее. Никто еще не понимал языка птиц. А, оказывается, можно. Только никто до нее так терпеливо не прислушивался к голосу птиц, поэтому никто и не понимал их. И вот она первая...» [16, 50]. Автор показывает человеческие отношения, а природа усиливает эффект их психологического анализа. Природа, как будто чувствуя ее благосклонность, предрасположенность, зовет девушку к себе. В птицах она нашла ту искренность, которой ей не хватает в повседневной жизни. Именно во взаимоотношениях лебедей Марина увидела неподдельную, настоящую любовь, лебеди явились образцом отношений между женщиной и женщиной.

Автор сравнивает девушку с лебедем, белой, чистой птицей: «Улыбка ... легкая, ... нежная кожа ... ресницы затрепетали...» [16, 50]. Она не смогла оставаться рядом с человеком, в котором разочаровалась, и здесь писатель использует анимализм как номинацию героини: «Улетела наша лебедушка» [16, 56]. Айпин находит точные слова, чтобы передать боль, отчаяние, которые переживает Марина, ведь она понимает лебединую песню: от крика птиц она «становится больной», от звука никуда не скрыться, не спрятаться; он присут-

ствуует везде, затрагивает самые потаенные уголки души и сердца, и, кажется, что даже самый бесчувственный может откликнуться на эту песню: «<...> крик полный отчаяния и безысходной тоски, он был на тон выше всех звуков. Будто птица забирается высоко-высоко в заоблачные выси <...>. Это плакала раненая лебедица. Сколько тоски, сколько грусти и надежды, от этой песни бросало в дрожь. Девушка закрыла ладонями уши. Но и с закрытыми ушами она слышала лебединую песню. Последнюю, прощальную. <...> Песня безжалостно пробивалась к ней, звала далеко-далеко, в неведомую страну, где все не так, как на этой земле» [16, 55]. Эффект прощания усиливается в произведении и временем года – осенью: «<...> сентябрь до нага раздел деревья, лес насторожился, стал чистым и звонким, прозрачными былывоздух и утро. Все стало тонким, трепетным, воздушным. Ничто не задерживало звуки, ничто не искажало их» [16, 50]. Автор с образом лебедей связал зыбкость пограничных состояний, состояний перехода, которые в сознание этноса объединены с этой птицей, но воплотил их в художественной форме: жизнь – смерть, начало (утро) – конец (осень), свое (родное) – чужое (неведомая страна).

Дима, молодой человек, с которым Марина планирует связать жизнь, не способен понять окружающей его красоты, ему чужды дивные пейзажи, гордые белые птицы. Его внутренний мир настолько ограничен, что, убивая лебедя, он не чувствует ни грусти, ни тоски, ни жалости. Природа отторгает совершенное человеком зло, осуждает его. Автор наглядно передал это через антитезные зарисовки: «Утро прозрачное, росистое и холодное. <...> Между деревьями в лучах восходящего солнца засеребрилась гладь озера. <...> Стая висела над водой со сложенными крыльями. Не плавала, а висела. До того они изящны, легки и чисты. Ничего белее она в жизни не видела. Озеро вдруг стало светлым-светлым, а берега раздвинулись до бескрайности. Лебеди заслонили собой весь мир.

И перед этой бескрайностью защемило сердце. Защемило сладко и тревожно, словно оно оторвалось и парило где-то в груди – вот-вот выскочит. И тогда ты станешь

таким же светлым и чистым и поднимешься в бескрайнюю высь – в царство света и солнца. И там постигнешь что-то такое, такое... непостижимое. Может быть, остановишь мгновение. Остановишь время, остановишь плавное течение времени... Так щемит сердце только раз в жизни» [16, 53–54]. Лебедь, сочетая две стихии, стал символом возвышения, просветления, духовного единения с «царством света и солнца». Все это усилила символика белого цвета, к которой обращается писатель. Лебеди раздвинули границы пространства, концентрируя мир девушки на себе и постепенно становясь ее миром. Айпин связал образ лебедя с солнцем.

Писатель изобразил сообщество птиц, которые, как и люди, следуют строго установленным правилам: «А лебеди, лебеди... Одни плавали в сторонке с настороженно поднятой шеей, сторожили стаю. Видно, часовой.

Ближе всех к берегу кормилась птица с красным ободочком на основании черного клюва и бесстрашными блестящими глазами. Она с головой уходила в воду, будто делала стойку. Горчало лишь хвостовое оперение. И так стояла до тех пор, пока не находила лакомство. Потом, на всю длину вытянув шею, тонкую и беспомощную, глотала добычу. Затем дугой выгибала шею и водила клювом по-над водой, словно высматривала что-то. Тут к ней подплывала другая птица. Наверное, друг. Он потянулся к ней клювом – видно, хотел поцеловать. Но лебедица мотнула гордой головой: не мешай, мол, нужно силы набирать перед дальней дорогой. Тот обиженно опустил голову, но далеко не отплывал. А лебедица осмотрелась, на миг замерла с выгнутой шеей! – будто замер весь мир. Потом, успокоившись, смахнула с крыла пылинку и вновь нырнула за пищей» [16, 54]. И этой бесстрашной и гордой (именно такие эпитеты использует хантыйский прозаик) птице было предназначено погибнуть от руки Димы.

Выстрел Димы разрушил гармонию. После выстрела: «Лебедица дважды хлопнула выгнутым крылом и, беспомощно волоча левое, печально трубя, рванулась в середину озера. На взлете, в лучах восходящего солнца, стая превратилась в золотисто-серебряную арфу, заигравшую тревож-

но-печальную мелодию озер и болот. <...> А потом лебеди стали терять очертания в каких-то туманных наплывах, словно начали растворяться. Только трубные звуки доносились отчетливо и ясно. <...> Гребеночка соснового бора за озером проколола шар встающего солнца. И оно запуталось в ветвях-колючках. <...> у девушки сердце уже не замирало, не билось трепетно перед бездонной черной пропастью болота.<...>был сильный ветер. Бор ворчал глухо и басовито <...>. Утром она проснулась от гнетущей тишины, словно природа надела траур» [16, 55]. Арфа – один из устоявшихся в художественной литературе символов лебедя, известный еще со времен античности. Гибель царственной птицы даже природу заставляет надеть траур. Мелодия сменяется тишиной. И эта тишина угнетает, заставляет героиню принять решение. Она оставляет молодого человека, который утратил способность видеть красоту и чувствовать боль и радость окружающих. Марина, пораженная выстрелом Димы, называет его рябчишником. Такое сравнение вполне объяснимо, так как отсылает нас к хантыйской сказке «Рябчик» [17], в которой птица, нарушила запрет и разгневала Бога, за что и была наказана. Недоволен своим внуком и

дед Архип: «Совсем тебя видно город испортил!» [16, 53].

Как видим, лебедь – неоднозначный и сложный символ, который встречается как в фольклорных текстах, так и в художественной литературе. Сочетая в себе стихии воздуха и воды, пограничные состояния, этот образ транслирует воззрение этноса на миропорядок, является неотъемлемой частью мифологизма в литературе. Метаморфизм образа фиксируется только в фольклорных текстах: переход из зооморфного состояния в антропоморфное и обратно. Следует заметить, что в художественных текстах хантыйской литературы нет ни одного произведения, где бы можно было наблюдать метаморфозу литературного персонажа, если под метаморфозой понимать «превращение, переход из одной формы в другую с приобретением нового внешнего вида и функций» [18]. Лебедь имеет устоявшуюся цветовую семантику – белый, серебряный. В хантыйской художественной литературе лебедь рассматривается как символ любви. Чаще всего авторы проводят параллель между девушкой и птицей, связав ее с древними религиозными представлениями народа. Так в хантыйской художественной литературе реализуется орнитологический код.

Литература

1. Птицы в искусстве – Лебедь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://shedeverts.ru/materiali/557-ptici.html?start=25> (дата обращения: 21.03. 2016).
2. Ругин, Р. П. Легенды и мифы народа ханты [Текст] / Р. П. Ругин. – Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 2003. – 336 с.
3. Межова, А. Древняя символика образа умирающего лебедя [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.microarticles.ru/article/simvoliziryet-lebed-literature.html> (дата обращения: 21.03. 2016).
4. Кашлатова, Л. В. Женские божества и духи в фольклоре и обрядовой практике среднеобских хантов : автореф. дис. ... канд. культурологи [Текст] / Л. В. Кашлатова. – Саранск, 2014. – 20 с.
5. Молданова, Т. А. Краткий курс лекций по учебной дисциплине «История религии обско-угорских народов» : учеб. пособие для студентов [Текст] / Т. А. Молданова. – Ханты-Мансийск : РИЦ ЮГУ, 2008. – 119 с.
6. Хантыйская литература: учеб.хрестоматия в 4 ч. / сост. Е.В. Косинцева. – Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. – 361 с.
7. Национальные праздники обско-угорских народов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://infourok.ru/tradicionnie-prazdniki-obskih-ugrov-487020.html> (дата обращения: 21.03. 2016).
8. Вагатова, М. К. Моя песня, моя песня: Стихотворения, легенды, сказки [Текст] / М. К. Вагатова. – Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во. Новое время, 2002. – 192 с.
9. Ругин, Р. П. Метель на ладони. Стихотворения (пер. с хантыйского) [Текст] / Р. П. Ругин. – М. : Современник, 1986. – 92 с.
10. Традиционные верования и мировоззрения народов ханты и манси [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.referatbank.ru/referat/preview/10458/kursovaya-tradicionnye-verovaniya-mirovozzreniya-narodov-hanty-mansi.html> (дата обращения: 21.03. 2016).
11. Словарь крылатых слов и выражений [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://enc-dic.com/winged/Lebedinaja-pesnja-369.html> (дата обращения: 21.03. 2016).

12. Животные в мифологии. Лебедь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://mar4586.narod.ru/animals/birds/swan.html> (дата обращения: 21.03.2016).
13. Притоки Великой Оби. Стихи и проза самобытных авторов [Текст] / сост. У. А. Данило. – Тюмень : ООО «Сити-Пресс», 2014. – 120 с.
14. Хантыйская литература : учеб. хрестоматия : в 4-х ч. [Текст] / сост. Е. В. Косинцева. – Ч. 1. – Ханты-Мансийск : ИИЦ ЮГУ, 2010. – 388 с.
15. Ругин, Р. П. Сорок Северных Ветров [Текст] / Р. П. Ругин. – Т. 1. – Екатеринбург : Ср.-Ур.кн. изд-во, 1996. – 480 с.
16. Айпин, Е. Д. Клятвopеcтyпник [Текст] / Е. Д. Айпин. – М. : Русло, 1993. – 423 с.
17. Сказки обских угров [Текст] / сост. Г. Л. Нахрacheва, С. С. Динисламова. – Ханты-Мансийск : Югорский формат, 2015. – 100 с.
18. Большой словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/42558/%D0%9C%D0%95%D0%A2%D0%90%D0%9C%D0%9E%D0%A0%D0%A4%D0%9E%D0%97%D0%90 (дата обращения: 21.03. 2016).

References

1. *Ptitsy v iskusstve – Lebed'* [Birds in art – the swan]. (In Russ.) Available at: <http://shedevers.ru/materiali/557-ptici.html?start=25> (accessed March 21, 2016).
2. Rugin R. P. *Legendy i mifynaroda Khanty* [Legends and myths of the Khanty people]. Ekaterinburg: Sred.-Ural. kn. izd-vo Publ., 2003. 336 p.
3. Mezхова А. *Drevnyaya simbolika obraza umirayushchego lebedya* [The ancient symbolism of the image of the dying swan]. (In Russ.) Available at: <http://www.microarticles.ru/article/simvoliziriyet-lebed-literatyre.html> (accessed March 21, 2016).
4. Kashlatova L. V. *Zhenskie bozhestva i dukhi v fol'klоре i obryadovoy praktike sredneobskikh khantov* [Female deities and spirits in folklore and ritual practice of the Middle Ob Khanty]. Saransk, 2014. 20 p.
5. Moldanova T. A. *Kratkiy kurs lektsiy po uchebnoy distsipline «Istoriya religii obsko-ugorskikh narodov»: Uchebnoe posobie dlya studentov* [A short course of lectures on discipline "History of religion of the Ob-Ugric peoples: a training manual for students]. Khanty-Mansiysk: RITs YuGU Publ., 2008. 119 p.
6. *Khantyyskaya literatura: ucheb. khrestomatiya v 4 ch.* [The Khanty literature: educational anthology in 4 parts]. Ed. by E. V. Kosintseva. Khanty-Mansiysk: IITs YuGU Publ., 2010. 361 p.
7. *Natsional'nye prazdniki obsko-ugorskikh narodov* [National holidays of the Ob-Ugric peoples]. (In Russ.) Available at: <http://infourok.ru/tradicionnie-prazdniki-obskih-ugrov-487020.html> (accessed March 21, 2016).
8. Vagatova M. K. *Moya pesnya, moy apesnya: Stikhotvoreniya, legendy, skazki* [My song, my song: Poems, legends, tales]. Ekaterinburg: Sred.-Ural. kn. izd-vo. Novoe vremya Publ., 2002. 192 p.
9. Rugin R. P. *Metel' na ladoni: Stikhotvoreniya (per. s khantyyskogo)* [The snowstorm on the palm: Poems (translated from the Khanty language)]. Moscow: Sovremennik Publ., 1986. 92 p.
10. *Traditsionnye verovaniya i mirovozzreniya narodov khanty i mansi* [Traditional beliefs and worldview of the peoples of the Khanty and Mansi]. (In Russ.) Available at: <http://www.referatbank.ru/referat/preview/10458/kursovaya-tradicionnye-verovaniya-mirovozzreniya-narodov-hanty-mansi.html> (accessed March 21, 2016).
11. *Slovar' krylatykh slov i vyrazheniy* [Dictionary of catch phrases and expressions]. (In Russ.) Available at: <http://enc-dic.com/winged/Lebedinaja-pesnija-369.html> (accessed March 21, 2016).
12. *Zhivotnye v mifologii. Lebed'* [Animals in mythology.Swan].(In Russ.) Available at: <http://mar4586.narod.ru/animals/birds/swan.html> (accessed March 21, 2016).
13. *Pritoki Velikoy Obi. Stikhi i proza samobytnykh avtorov* [The tributaries of the Great River Ob. Poetry and prose of the original authors].Ed. by U. A. Danilo. Tyumen: ООО «Сити-Пресс» Publ., 2014. 120 p.
14. *Khantyyskaya literatura: Uchebnaya khrestomatiya v 4 ch.* [The Khanty literature: educational anthology in 4 parts]. Ed. by E. V. Kosintseva. Khanty-Mansiysk: IITs YuGU Publ., p. 1. 2010. 388 p.
15. Rugin R. P. *Sorok Severnykh Vetrov* [Forty North Winds]. Ekaterinburg: Sr.-Ur. kn. izd-vo Publ., 1996. vol. 1.480 p.
16. Aypin E. D. *Klyatvoprestupnik* [The oathbreaker]. Moscow: Ruslo Publ., 1993. 423 p.
17. *Skazki obskikh ugrov* [Tales of the Ob Ugrians]. Ed. by G. L. Nakhacheva, S. S. Dinislamova. Khanty-Mansiysk: Yugorskiy format Publ., 2015. 100 p.
18. *Bol'shoy slovar' inostrannykh slov* [Big dictionary of foreign words]. (In Russ.) Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/42558/%D0%9C%D0%95%D0%A2%D0%90%D0%9C%D0%9E%D0%A0%D0%A4%D0%9E%D0%97%D0%90 (accessed March 21, 2016).